

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Вып. 25**

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

**Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА**

**Москва
2025**

УДК 811.16
ББК 81.41
С 47

Редакция выпуска / Editorial board of the issue
д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),
канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редакция серии / Editorial board of the series
д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),
д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,
д-р филол. наук И. А. Седакова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,
д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /
DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers

канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,
канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372
ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)
DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface.....	7
<i>Виктор Савич. Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды</i> <i>Viktor Savić. Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives.....</i>	13
<i>A. Д. Паскаль. Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца</i> <i>Alexander D. Pascal. Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets.....</i>	45
<i>K. В. Вершинин. Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в.</i> <i>Konstantin V. Vershinin. Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13th Century.....</i>	58
<i>Г. С. Баранкова. Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа?</i> <i>Galina S. Barankova. Which Hexaemeron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph?</i>	77
<i>A. В. Сизиков. Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках</i> <i>Aleksandr V. Sizikov. An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies.....</i>	98
<i>Йоханнес Райнхарт. Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g)</i> <i>Johannes Reinhart. The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contenitio cum Diabolo (BHG 812f-g).....</i>	119
<i>Виктория Легких. Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы</i> <i>Victoria Legkikh. Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service.....</i>	134
<i>Барбара Ломаджистро. К вопросу о жанре Толковой Палеи</i> <i>Barbara Lomagistro. Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre..</i>	170

<i>A. L. Lifshits. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии</i>	
<i>Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides.....</i>	195
<i>Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофея</i>	
<i>Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey.</i>	206
<i>В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творити и сътворити</i>	
<i>Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs <i>tvoriti</i> and <i>sătvoriti</i>.....</i>	222
<i>Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами имѣти, имати и юти в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской</i>	
<i>Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs <i>iměti</i>, <i>imati</i> and <i>jati</i> in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian.....</i>	238
<i>А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ъб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.</i>	
<i>Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ъб- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries.....</i>	265
<i>Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола</i>	
<i>Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon.....</i>	276
<i>М. Н. Саенко. Праславянское *lędwij-: реконструкция семантики и формы</i>	
<i>Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lędwij-: Reconstruction of the Semantics and Form.....</i>	283

Я. А. ПЕНЬКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ *ИМЬТИ*, *ИМАТИ* И *ЯТИ*
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ХІІІ–ХІV ВВ.
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕСЕРБСКОЙ**

Предварительные замечания

Настоящая работа посвящена исследованию дистрибуции инфinitивных конструкций со вспомогательными глаголами *имъти*, *имати* и *яти* в древнерусской письменности ХІІІ–ХІV вв. в сопоставлении с древнесербской. Конструкции с глаголами *имъти*, *имати* и *яти* не раз подвергались изучению и описанию на материале древне- и старорусской письменности (Křížková 1960; Юрьева 2006; Юрьева 2011; Шевелева 2017; Пенькова 2019; Шевелева 2019; Пенькова 2021; Шевелева 2021; Пенькова 2023а; Пенькова 2023б; Шевелева 2024; Пенькова 2025). Перечислим тут лишь самые основные положения из указанных выше работ. Подробный обзор литературы по истории восточнославянских конструкций см. в (Пенькова 2025).

М. Н. Шевелева показала, что глагол *имъти* для обозначения внешнего посессора не был характерен живому древнерусскому языку, последний следует относить к так наз. «быть-языкам», в противоположность «иметь-языкам» (см. обсуждение в Isačenko 1974; Шевелева 2019)). При этом А. Исаченко указывает, что современный русский язык продолжает оставаться «быть-языком», в том время как украинский и белорусский занимают промежуточную позицию (Isačenko 1974).

Была неизвестна живому древнерусскому языку и конструкция *имъти* (*имамъ*) + инфинитив, которая употреблялась только в книжных памятниках (Юрьева 2006; Юрьева 2011; Шевелева 2017: 203). Она имела значение будущего времени с усиленной ассерцией (значение неизбежности, неотвратимости будущего события) (Козлов 2014). Ср.:

(1) Аще сего пустиши, не имаши быти другъ кисареви (Ин. XIX, 12; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку)¹.

На фоне текстов различной региональной принадлежности особо выделяются книжные памятники Северо-Запада, в которых конструкция *имамъ + инфинитив* была редка (Юрьева 2011; Шевелева 2024).

Конструкции с глаголом *юти* (*иму*) + инфинитив фиксируются в восточнославянских памятниках с XIII в. (Юрьева 2011):

(2) Соже имоуть сѧ бити роусь въ ризѣ и на гътьскомъ берѣзѣ мечи или соуличами... ать оуправаться сами по своемоу соудоу (Договор Смоленска с Ригой и Готландом («Договор неизвестного князя»), 1233–1240 гг.).

Согласно М. Н. Шевелевой, *иму + инфинитив*, в отличие от перифразы *имамъ + инфинитив*, – конструкция с начинательным, а не модальным значением (Шевелева 2019). Как и *имамъ + инфинитив*, она была малоупотребительна в текстах новгородского происхождения (Юрьева 2011). М. Н. Шевелева со ссылкой на Г. А. Хабургаева пишет о тенденции к формализации *иму* как показателя будущего времени, которая «реализовалась во многих вост.-слав. диалектах (украинских и в украинском литературном языке, а также русских, в особенности северо-восточных – ярославских, костромских, вологодских и др.)» (Горшкова, Хабургаев, 1981: 321–322; Шевелева 2021).

И. С. Юрьева со ссылкой на И. И. Срезневского указывает, что *имаю*-конструкции известны только западнорусским источникам и что между парадигмами *имати*, *имѣти* и *юти* возникала атракция: «...формы глагола имати ‘брать’ (не по исконной модели имати–емлю, а по новой модели имати–имаю), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом имѣти (наряду с имати) – точно так же, как и формы имоу, имешь» (Юрьева 2011). Согласно выводам исследовательницы, в *поздних* летописях формы типа *имамъ* (вспомогательный глагол *имѣти*) могут проникать в контексты, типичные для форм типа *иму* (вспомогательный глагол *юти*), тем

¹ Здесь и далее в цитатах, которые приводятся по Национальному корпусу русского языка, сохраняются название и датировка в соответствии с тем, как эта информация представлена в корпусе. Такие источники в библиографический список не вносятся.

самым *имамъ*-конструкции утрачивают модальность и выступают в качестве книжного эквивалента *иму*-конструкций (Юрьева 2011):

- (3) Аще ли по моем животъ оскудѣвати начнет монастырь, черноризець имать малитис<я> [вм.: иметь малитися] и потребы монастырская начнут оскудѣвате (!), то вѣдуще будите, яко не угодил есмь Богу (МС: 5об.–6, под 1074 г.; Юрьева 2011: 83).

Аттракция между конструкциями с *имаю*, *имѣю* и *иму* на материале старовеликорусских, староукраинских и старобелорусских памятников XV в. исследуется в работе (Пенькова 2025). Показано, что взаимодействие между конструкциями наиболее активно происходило в староукраинской деловой письменности, причем именно в молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* было наиболее выражено. В диалектах данной территории взаимодействовали модальная конструкция с *имати/имѣти* и начинательная с *ѧти*, ср.:

- (4) А намъ с той коръчмы имаеть давати ['должен давать'] сто грошиковъ (Розов №39 1407 г.);
- (5) Оу котором тръгоу имет коупити ['на котором рынке будет покупать'], там имет давати ['там должен давать'] от скота. (Русанівський 1965, № 55, 1460 г.).

Это способствовало расширению семантики конструкции *иму* + инфинитив за пределы фазовости и ее проникновению в модальные контексты.

В отличие от древнерусского и современного русского, сербскохорватский язык, согласно А. Исаченко, относится к «иметь-языкам» (Isačenko 1974). В древнесербской письменности, согласно (Rösler 1952; Andersen 2006), спорадически фиксируется футурум со вспомогательным глаголом *имѣти*. Однако, судя по примерам, приводимым Х. Андерсеном, перед нами все та же церковнославянская конструкция со значением будущего времени с усиленной ассерцией, которая унаследована церковнославянской традицией из старославянского, ср.:

- (6) Имамъ бо въси живоуЩеи на земли съмрть въкоусивьше гробоу прѣдати телеса наша (Miklosich 1858: 100).

В статье 1963 г. В. П. Гудков указал на параллель между древнерусским и древнесербским: в древнесербской письменности в XIII–XIV вв.

также фиксируется конструкция *иму* + инфинитив (Х. Кржижкова приводит примеры этой конструкции и в древнечешской письменности):

- (7) Аще ли w себѣ сама иметь бѣсновати се, wставляющи своєго моужа, да аще има добитькъ, добитькомъ да наказоуетсе (Miklosich 1858: 14, 1222–1228 гг.);
- (8) Když ho žena jme tresktati, nedadúc jmu v kostky hráti. (Křížková 1960: 127).

Целью В. П. Гудкова в статье 1963 года было показать, что вспомогательные глаголы *имамъ* и *иму* не следует смешивать, и это справедливо как для древнерусского, так и для древнесербского материала: «име был глаголом совершенного вида, а има – несовершенного. Глагол име в сочетании с инфинитивом выражал будущее время, а има... служил для передачи долженствования» (Гудков 1963). Ср. пример с последним:

- (9) Кто хoke сиє повторити, не маль гнѣвъ и наказаније има въсприети вѣтъ кралевъства ми (Miklosich 1858: 20, 1234 г.).

Таким образом, конструкция с глаголом *иму* была характерна не только для восточнославянского ареала, но обнаруживается во всех трех подгруппах славянской языковой группы. При этом развитие в показатель будущего времени эта конструкция получила только в украинских диалектах.

Цель настоящего исследования – на материале восточнославянской и древнесербской письменности XIII–XIV вв. уточнить наши знания о семантике и дистрибуции конструкций с *имамъ*, *имаю*, *имью* и *иму*, рассмотрев данные письменных источников различных восточнославянских диалектов и древнесербских штокавских памятников, и приблизиться к ответу на вопрос, почему судьба этой конструкции была различна в разных славянских языках и диалектах.

Аттракция между *имѣти* и *яту* в восточнославянской письменности: новые данные

Как было показано выше, между *имамъ*- и *иму*-конструкциями в среднерусских памятниках могла происходить аттракция: первые могли проникать в контексты, типичные для вторых. Основанием для такой

аттракции было, по-видимому, то, что обе аналитические формы в старовеликорусском уже устаревали (Юрьева 2011).

В староукраинских памятниках XV в. имела место немного иная ситуация. В этих источниках также наблюдается аттракция между конструкциями с *имаю*, *имъю* и *иму*, но при этом направление смешения было другое: *иму*-конструкция могла употребляться в контекстах деонтической модальности, типичных для первых двух períphrasis (Пенькова 2025).

Данные восточнославянских рукописей XIII в. свидетельствуют о том, что смешение *имамъ*- и *иму*-конструкций могло происходить и в гораздо более ранних памятниках – уже в XIII в., т. е. в период, когда конструкции с *иму* только начинают фиксироваться в письменности. При этом направление смешения не такое, как в старовеликорусских летописях XVI в., а, скорее, такое, как в староукраинских грамотах XV в.: конструкция *иму* + инфинитив встречается в *модальном* употреблении вместо *имамъ* + инфинитив (см. также Пенькова 2023). Отличие от ситуации в староукраинской деловой письменности состоит только в том, что в более ранних книжных памятниках *иму*-конструкция выступает не вместо типичных для деловых текстов *имаю*-перифраз, а вместо книжной *имамъ* + инфинитив,ср.:

(10) Аще нѣ оуздержишиſа, послѣди скербѣти имеши [вм.: имаши] [$\lambda\upsilon\pi\eta\theta\eta\sigma\eta$] мнозѣми wобразы (Ефр.Сир., IV: 42, 1269–1289 гг.); ср. в среднеболг. сп. XIV в.: скрѣбѣти имаши, то же чтение в рукописях РГАДА, Тип. 38 и РГБ, Тр. 7;

(11) Не тако бе-страха, яко нѣ иму суда страшнаго оуслышати [$\mu\dot{\eta}$ $\acute{\chi}\chi\omega\tau\epsilon\tau$ $\acute{\epsilon}\acute{\pi}\alpha\kappa\acute{\o}\sigma\tau\acute{\i}$], не тако походимъ, яко нѣ имамъ слова истязаниемъ въдати [$\mu\dot{\eta}$ $\acute{\chi}\chi\omega\tau\epsilon\tau$ $\acute{\alpha}\acute{\pi}\partial\delta\acute{\o}\nu\eta\acute{\i}$] (Ефр.Сир., II: 210, 1269–1289 гг.); ср. в среднеболг. сп. XIV в.: не оуслышати... имаще въздати; в списке РГАДА, Тип. 38: не имуще услышати... не имущем въздати; в списке РГБ, Тр. 7: не имуще... не имуще;

(12) Гл҃ю бо вамъ · не имете [вм.: имате] мене видѣти [$\mathfrak{o}\acute{u}$ $\mu\dot{\eta}$ $\mu\acute{e}$ $\acute{\i}\acute{\delta}\eta\tau\acute{\i}$] юнына · дондеже рѣте · блгвльнъ градыи въ има господьне (Симоновское евангелие, л. 47); ср. (Остр.: 216): не имаате мене видѣти; то же чтение в (Пантелеимоново евангелие: 59).

Из приведенных примеров очевидно, что *иму*-конструкции проникли в текст Паренесиса Ефрема Сирина, который представляет собой древнеболгарский перевод X в., и в текст Евангелия, перевод которого восходит к еще более древней кирилло-мefодиевской традиции, именно на восточнославянской почве. Об этом красноречиво свидетельствуют разнотечения по спискам (в том числе разнотечения по разным редакциям евангельского текста – как в случае с Симоновским евангелием).

Греческий оригинальный текст не оставляет сомнения в том, что *иму*-конструкция употреблена здесь в позиции, типичной для *имамъ*-конструкции, в значении будущего времени с усиленной ассерцией ('неизбежно будешь испытывать скорбь' в (10), 'не придется услышать' в (11), 'вам не увидеть Меня' в (12)).

Обратим внимание на то, что рукописи, в которых встретилось такое явление, принадлежат, с одной стороны, юго-западной диалектной зоне (Паренесис Ефрема Сирина, РНБ, Пог. 71а, ок. 1269–1289 гг. – волынский список), а с другой – северо-западной (Симоновское евангелие 1270 г., РГБ, Рум. № 105 – новгородский список). Появление такого смешения в волынской рукописи ожидаемо ввиду последующей экспансии конструкций с *иму* в староукраинской письменности и их дальнейшей грамматикализации в будущее время. Аналогичное явление в новгородской рукописи требует объяснения.

В Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (далее – СДРЯ) можно найти и другие примеры довольно неожиданного «сближения» в области употребления глаголов с корнем *им-* между источниками Юго-Западной и Северо-Западной Руси. В частности, такие случаи обнаруживаются в словарной статье *имѣти2* (*имью*) (СДРЯ IV: 151–152). Необходимо пояснить, что в СДРЯ различаются две презентные парадигмы глагола *имѣти*: исконная (*имамъ*, *имаши* и т. д.) описывается в словарной статье *имѣти1*, тогда как аналогическая (*имью*, *имъєши*) – в статье *имѣти2*. В последней в качестве одного из значений глагола *имѣти* приводится следующее: «*Вспомогательный гл. для образования будущего вр.*» (СДРЯ IV: 152). Этот тип употребления *имѣти2* иллюстрируется многочисленными примерами из южнорусских грамот второй половины XIV в. (13–15), а также цитатой из «Закона судного людям» по новгородскому списку XIV в. (16):

- (13) Болре и землане будуть. городъ твердити. тогды тии люди тако же. имѣютъ твердити. городъ Смотрич. *Гр 1375* (ю.-р.);
- (14) А с того имѣсть. кназю служити триими стрѣлци. *Гр 1378* (1, ю.-р.);
- (15) Аже не выкупить его на тотъ рокъ. имѣть держати то село. опять до другого року. *Гр 1386* (1, ю.-р.);
- (16) Не имѣюмъ сего взаконити. ЗС XIV, 31.

Еще одно сближение такого рода между источниками Юго-Западной и Северо-Западной Руси обнаруживается в словарной статье *имати2* (СДРЯ IV: 145). В ней описываются значения глагола *имати* с аналогической парадигмой *имаю*, *имаешь*, тогда как употребления форм с исконной парадигмой *емлю*, *емлеши* рассматриваются в статье *имати1*.

Имати2, согласно СДРЯ, в одном из своих значений также предстает как «вспомогательный гл. для образования будущего вр.» (СДРЯ IV: 145). Такое употребление *имати2* иллюстрируется многочисленными примерами из южнорусских и западнорусских грамот второй половины XIV в. (17–20):

- (17) А они имаютъ держати. так(о) долго докола... имо тыхо ·đ· тисачи рубли исполнна не w(t)дамы. *Гр 1390* (2, ю.-р.);
- (18) Бискупъ имаетъ ловити. на своеи половинѣ. *Гр 1398* (3, з.-р.);
- (19) Не имаетъ. w(t) нихъ то штоити. *Гр 1399* (1, ю.-р.);
- (20) А панъ клюсь имаетъ того існого села шидлова. оуживати. *Гр 1400* (1, ю.-р.).

Однако среди этих источников в СДРЯ обнаруживается цитата из Софийского сборника конца XIV в. (21), происхождение которого связано с псковскими землями (Ганстрем 1953: 60). В другом списке Софийского сборника – новгородском (Баранкова и др. 2013: 58) – тоже чтение:

- (21) А wвѣцъ моихъ не пасуще w нихъ слово имаюте w(t)дати въ днь суда. СбСоф к. XIV, 110в (СДРЯ IV: 145).

Если мы присмотримся внимательнее к семантике конструкций в примерах (17–20), с одной стороны, и значению перифразы в (21), с другой стороны, то мы увидим, что в первой группе примеров

имаю + инфинитив имеет значение деонтической возможности. На-против, в (21), по-видимому, представлено значение будущего времени с усиленной ассерцией ('вам придется дать ответ') – такое же, которое характерно для книжной конструкции *имамъ* + инфинитив.

Обратившись к данным исторических словарей и исторических корпусов, можно обнаружить другие ранние примеры атракции между конструкциями с глаголами *имамъ* и *имаю*:

(22) Аще того пустиши. не имаєши быти другъ кесареви (Ин. XIX, 12; Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.) [ср. в Остр., 184: нѣси дроугъ кесареви; в Лаврентьевском списке: имаши];

(23) Погуби штюча се. аще ли не погубиши имаєть погубити всъ егупе(т) (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.), [ср. в Лаврентьевском списке: имать погубити].

В данных примерах *имаю*, бывший итератив от *юти*, употребляется в конструкции, типичной для глагола *имѣти*. Показательно, что соответствующие примеры встретились в северо-западном Ипатьевском списке Повести временных лет. Случай атракции между *имѣти* и *имати* охватывают не только область инфинитивных конструкций, но и полнозначные употребления:

(24) Слышию же се. яко сестроу имаєте дѣю. да аще ея не вдасте за ма. то створю гра(д) вашему яко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.), [ср. в Лаврентьевском списке: имата];

(25) Р(ч)е же внъ ко мнѣ. дховынаго ѿца твоего еже къ боу мѣтва. на се мѣсто приведе та. показати ти яже прежде желанїс имаєши (Житие Василия Нового, конец XI в.);

(26) Занеже коегождо с(с)тво имать свою волю. и коеждо сочество свое дѣтельство имаєсть. (Житие Василия Нового, конец XI в.);

(27) Аще и многи наставники имаєте w хсѣ . нъ не многи w отцѣ . w хсѣ бо lcsѣ евгангельсъ азъ вы родихъ . молю же вы сѧ подобьници ми боудете (Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере, XI в., Соф. № 1285).

Мы видим, что в приведенных примерах *имаю* семантически тождествен *имамъ* или *имѣю*. А среди источников, в которых отмечается

такое явление, мы вновь видим новгородский Ипатьевский список ПВЛ, Житие Василия Нового, происхождение которого, как предполагается, связано с Юго-Западной Русью (Пентковская и др. 2018), и новгородский список Софийского сборника конца XIV в.

Таким образом, в позднедревнерусской письменности обнаруживаются примеры аттракции между вспомогательными глаголами *имамъ* и *иму*, *имамъ* и *имаю*, а также между полнозначными глаголами *имѣти* и *имати*. Случаи смешения такого рода представлены в основном в рукописях Юго-Западной Руси, но спорадически проникают и в рукописи Северо-Западной Руси. Кроме того, пример употребления конструкции *имѣю + инфинитив*, ограниченной преимущественно деловой письменностью Юго-Западной Руси, обнаруживается в новгородском списке «Закона судного людям». Эти явления нуждаются в объяснении.

Легче всего объяснить последнее: появление конструкции *имѣю + инфинитив* в новгородской рукописи конца XIV в. Чтению «не имѣю сего взаконити» новгородского Пушкинского списка «Закона судного людям» соответствует чтение «не смѣю сего узаконити» в Археографическом списке XV в. (л. 296). То же читаем и в Карамзинском списке Софийской первой летописи: «не смѣимъ и ногѡ закона взаконити».

Как показал М. Н. Тихомиров, «писец Пушкинского сборника переписывал уже с дефектного экземпляра, в котором к тому же многое не понимал» (Тихомиров 1961), поэтому *имѣемъ* вместо *смѣемъ* возникло в результате ошибки трансмиссии. При этом переписчик Пушкинского списка предложил вовсе не бессмысленную замену: *смѣти + инфинитив* > *имѣти + инфинитив*, обе конструкции имеют значение деонтической возможности. Именно такое употребление характерно для данной конструкции в деловых памятниках Юго-Западной Руси, ср.:

- (28) И тогда имѣемъ дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесят копъ (Розов № 61 1429 г.);
- (29) Какъ издавна оу лѣсь ходили, такъ и нинѣ ходити имѣютъ на вѣки вѣчныи (Розов № 68 1433 г.).

Однако пример из «Закона судного людям» все-таки следует признать искусственно сконструированным переписчиком на основании известной ему книжной períфразы *имамъ + инфинитив*, но с темати-

ческой формой *имъемъ*, поскольку никаких других примеров употребления конструкции *имъю* + инфинитив в русской письменности вплоть до второй половины XVI в. не обнаруживается. *Имъю* + инфинитив в старовеликорусской письменности – это позднее заимствование из польского языка, вероятно, через рутенское посредство (см. подробнее в Пенькова 2021), ср. один из самых ранних примеров:

(30) А вы, послы, за арцыбископа и за маистра то дѣло и достойности имѣете дѣлати (Ответ датским послам на ходатайство датского короля Фредерика о прекращении военных действий, предпринятых против магистра Ливонского за его «неисправления», 1559 г.).

Обратимся теперь к анализу аттракции между парадигмами *имамъ* и *имаю*.

Как видно из приведенных выше примеров (24) – (27), большинство случаев употребления *имаю* вместо *имамъ* или *имъю* встречается в рукописях, происходящих из Юго-Западной Руси. По-видимому, именно там был эпицентр функционально-семантического сближения между глаголами *имати* и *имѣти*, в результате которого *имати* утратил итеративность и свое исконное значение контакта ‘брать, хватать’ и превратился в статив, функциональный дублет глагола *имѣти*. Об этом свидетельствуют данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. (ССУМ 1: 433–441), см. Таблицу 1:

имати2	имѣти
I полнозначный глагол Мати, держати, володіти (бути власником чого)	I полнозначный глагол = имѣти в знач. 1
Користуватися, мати (що)	= имѣти в знач. 2
Перебувати в якихось стосунках з ким	= имѣти в знач. 4
Містити в собі, включати в себе	= имѣти в знач. 5
Підлягати (чому), мати (що)	
С инф. Бути зобов'язаним, мусити	= имѣти в знач. 8
С инф. Бути спроможним	= имѣти в знач. 7
II вспомогательный глагол в сложном будущем времени	= имѣти II
	3. одержувати, мати
	6. відчувати, зазнавати (чого)
	9. С инф. Бути в праві, могти
	10. С инф. Намірятися, збиратися ²
	11. С инф. У формі баж.-ум. вказує на сумнівість передбачуваної дії ³

Таблица 1. Сопоставление семантики *имати2* и *имѣти*,
по данным Словаря староукраинского языка XIV–XV вв.

Согласно (ССУМ 1: 433), *имати1* – глагол контакта – употребляется в староукраинской письменности крайне редко (зафиксировано всего три примера), тогда как *имати2* – весьма частотный глагол состояния (более тысячи словоупотреблений), который семантически почти не отличается от глагола *имѣти*. Как видно из таблицы, *имати2* имеет только одно несовпадающее с *имѣти* значение – строка под номером 5. *Имѣти* при этом только в четырех типах употребления из 11 не пересекается с *имати2*, и два из них не связаны с конструкциями, имеющими референцию к будущему. Это значение 10, в котором во всех примерах представлена только форма прошедшего

² В примерах только формы прошедшего времени.

³ Только в форме сослагательного наклонения.

времени от *имъти*, и значение 11, выделяемое только для вспомогательного *имъти* в форме кондиционала.

Таким образом, *имати* как глагол контакта практически вышел из употребления в староукраинском языке (см. об этом также Пенькова 2024), поскольку *имати* функционально сблизился с *имъти*, превратившись фактически в дублет последнего.

В ставропеликорусской письменности маргинально также встречаются конструкции *имаю* + инфинитив, однако такие примеры обнаруживаются в источниках не ранее XVI в. и в несколько ином значении, не характерном для этой конструкции в деловой письменности Юго-Западной и Западной Руси XIV–XV вв.,ср.:

(31) Тогда гродо на(ш) галичь и с тою волостию што к нему прислушаеть тому исному и воево(д) и его брату роману и дѣтємо іxo или которы іxo живо останть оу тыхо дѣ тислачахо заставити имаемы · а они имають держати так(o) долго докола имо тыхо дѣ тислачи рубли исполнна не їдамы (Обязательство короля Владислава II Ягайла отдать молдавскому воеводе Петру 4000 рублей «фряжского серебра» {Луцк}, 1388 г.);

(32) И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час имаєм въздарие отдати противником (Сказание о Мамаевом побоище, первая четверть XV в.)⁴.

В примере (31) из староукраинской грамоты конструкция *имаю* + инфинитив представлена в значении деонтической модальности (возможности и необходимости), тогда как в контексте (32) из Сказания о Мамаевом побоище – в значении будущего времени с усиленной ассерцией. Употребления типа (32), по-видимому, появляются в ставропеликорусской церковнославянской письменности под влиянием языка простой мовы, для которой было характерно употребление *имаю* + инфинитив в значении будущего времени с усиленной ассерцией – по-видимому, в качестве альтернативы книжной церковнославянской конструкции *имамъ* + инфинитив (Смирнова 2021), ср.:

(33) Выданъ маеть быти Сынъ чоловечии в руکі людемъ. (Мф. 17: 22; Евангелие Тяпинского; Смирнова 2021).

⁴ По списку первой половины XVI в.

Конструкции с *имъти* и *имати* в восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв.

Для того чтобы объяснить причины аттракции между *имамъ*, *имаю*, *имъю* и *иму* в памятниках Юго-Западной и Северо-Западной Руси, обратимся к данным восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв. разной региональной принадлежности. Мы будем рассматривать отдельно староукраинские грамоты (по изданиям Пещак 1974; Розов 1928), старобелорусские (полоцкие) грамоты (по изданию Хорошкевич и др. 2015), новгородско-псковские грамоты (по изданию ГВНП 1949) и московские грамоты (по изданию ДДГ).

Исследованные источники показывают следующую картину частотности рассматриваемых конструкций (таблица 2):

Конструкция	Новгородско-псковские грамоты	Московские грамоты	Полоцкие грамоты	Староукраинские грамоты
<i>Иму</i> + инф.	7	39	3	9
<i>Имаю</i> + инф.	0	0	0	17
<i>Маю</i> + инф.	0	0	1	51
<i>Имъю</i> + инф.	0	0	0	6
<i>Имамъ</i> + инф.	0	0	0	8

Таблица 2. Частотность конструкций с глаголами с корнем *им-* в восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв.

Как видно из таблицы 2, в XIII–XIV вв. центром экспансии конструкций с глаголами *имъти* и *имати* была именно Юго-Западная Русь. Выше мы показали, что в этом же регионе имело место функциональное сближение *имъти* и *имати* как в качестве полнозначного, так и в качестве модального глагола. Ничего похожего не наблюдается ни в полоцкой, ни в новгородско-псковской, ни в московской деловой письменности в этот период.

Конструкции с *имати* в полоцких грамотах этого времени почти не употребляются. Их распространение в старобелорусской письменности (вне грамот, происходящих из великорусской канцелярии) происходит немного позднее, чем в староукраинской, – в XV в. (см. Пенькова 2025). Это говорит о том, что зарождение данного процесса связано в первую очередь с Юго-Западными говорами. Малоупотребительны в полоцких грамотах и конструкции с *иму*, такова же ситуация и в грамотах Северо-Запада в данный период.

На общем фоне выделяются московские грамоты, в которых конструкции с *имъти* и *имати* в некнижной письменности отсутствуют, однако наиболее широко в ней распространены именно конструкции с *иму*. В староукраинской деловой письменности мы увидим рост числа употреблений конструкций с *иму* только с XV в. (Пенькова 2025).

Таким образом, в позднедревнерусский период мы можем говорить о различных ситуациях в восточнославянских диалектах Юго-Западной, Северо-Западной и Западной и Центральной Руси.

В некнижной письменности Юго-Западной Руси представлены оба вспомогательных глагола: как глагол *юти*, так и *имъти*, причем последний – всеми четырьмя парадигмами включая формы с утратой начального *и*. Конструкции проявляют тенденцию к взаимодействию: с одной стороны, *имати* и *имъти* сближаются семантически, но формы не унифицируются в единую парадигму; с другой стороны, *иму* и *имаю*-конструкции функционально также могут сближаться.

В некнижной письменности Северо-Западной и Западной Руси конструкции с глаголами с корнем *им-* в целом маргинальны (для Северо-Запада они редки в том числе и в письменности книжной). Редкие случаи смешения конструкций объясняются их чуждостью, не свойственностью данной традиции.

В некнижной письменности Москвы представлены только конструкции с *иму*; перифразы с *имамъ* употребляются исключительно в книжных памятниках. По-видимому, такое четкое распределение препятствует аттракции, которая фиксируется в редких случаях лишь в более поздних ставропигиальных источниках.

Конструкции с *имъти* и *юти* в древнесербской деловой письменности XIII–XIV вв.

Выделенные выше типовые ситуации, представленные в разных восточнославянских диалектах, интересно сопоставить с данными

древнесербской деловой письменности этого же периода. Мы привлекаем данные древнесербских грамот XIII–XIV вв. по изданию (Miklosich 1858).

В древнесербских памятниках этого времени также употребляются конструкции с корнем *им-*: *иму* + инфинитив и *имамъ/имаю* + инфинитив. Первая функционирует идентично восточнославянской конструкции. Вторая в качестве вспомогательного глагола использует форму глагола *имѣти*, парадигма которого в сравнении с исконной подверглась некоторым изменениям: форма 3 л. мн. ч. *имуть*, не имевшая в основе *-a-*, была заменена на новую форму *имаю* – по-видимому, под влиянием форм с *-a-* в основе (ср. *имамъ*, *имаши*, *иматъ*), окончание *-тъ* в формах 3 л. могло в этот период утрачиваться (зафиксированы обе формы: *има* и *имать*). В рассмотренных нами источниках встретились следующие формы вспомогательного глагола *имѣти*: 1sg *имамъ/имаю*, 2sg *имаши*, 3sg *има/имать*, 1pl *имамъ/имамо*, 3pl *имаю* (формы 2 л. мн. ч. не встретились).

Древнесербские грамоты демонстрируют ситуацию, которая ближе всего к положению в староукраинских диалектах: в некнижных памятниках сосуществуют две конструкции с глаголами с корнем *им-*. Семантически эти конструкции распределены: первая употребляется преимущественно в относительных и условных придаточных (в целом в зависимых предикациях), вторая – преимущественно в да-конструкциях в аподосисе в значении деонтической модальности, ср.:

- (34) Аще ли кто иметь сїе светоює (место) нечимъ шибидети... такови да ѿсть проклеть (Miklosich 1858: 18, 1233 г.);
 (35) Да не имать кто досаждати нашє обитѣли (Miklosich 1858: 131, 1348 г.)

При этом также фиксируются редкие случаи смешения – употребления *иму*-конструкций в контекстах, типичных для *имаю*-конструкций, ср. примеры из древнесербских (36)–(37) и староукраинских грамот (38)–(39):

- (36) Ако кто прибегне ѿ гнѣва кралевьства ти у градь нашъ, да у насъ стое никоегаре зла да не име чинити земли кралевьства ти. (1254–1256 гг.) (Гудков 1963);
 (37) А кои коупци гредоу мимо Брьсково, а не съвракаю се оу Брьсково, да имъ никто не име забавлати ни на нихъ трѣбовати чеса (Miklosich 1858: 53);

- (38) Хто не иметь ходити, тотъ иметь давати святыму Николе весь доходь (Киев) (Русанівський 1965, № 18, 1362–1392 гг.);
- (39) А... куници колко будут намъ надобни, а мы имемъ соби купити (Молдавия) (Русанівський 1965, № 32, 1408 г.).

Сравним дистрибуцию конструкций с *имамъ, имаю, имъю* и *иму* в восточнославянской и сербской деловой письменности XIII–XIV вв. Будем сопоставлять конструкции, которые представлены и в восточнославянских, и в древнесербских грамотах. Общими для тех и других являются períфразы со вспомогательным глаголом *иму*. Конструкции с *имъти* представлены только в древнесербской и староукраинской деловой письменности, причем форм с парадигмой *имъю*, *имъєши* в сербских грамотах не представлено вовсе. Форма с обобщением *-ть-* (под влиянием основы инфинитива) встретилась в сербских грамотах только один раз – вне конструкции с инфинитивом – в грамоте, написанной с преобладанием церковнославянских языковых черт:

- (40) Надеждоу имъє сего малаго ради приношения вѣчнихъ благъ насладити се (1389–1405 гг.) (Miklosich 1858: 567).

Приведем данные дистрибуции конструкций с *юти/юти* и *имъти* в таблице 3. Выше мы показали, что в староукраинской письменности *имъти* и *имати* фактически выступают как семантические дублеты, поэтому для староукраинских грамот будем считать употребления *имамъ, имаю, маю* и *имъю* с инфинитивом как единую конструкцию.

Тип употребления	Ст.-укр. грамоты		Полоцкие грамоты		Новг.-пск. грамоты		Моск. грамоты		Сербск. грамоты	
	иму	имамъ имаю маю имъю	иму	имаю маю	иму	имаю	иму	имаю	иму	имамъ имаю
Условный протасис	1	1	—	—	2	—	19	—	9	—
Относительное придаточное	7	2	3	—	5	—	17	—	6	2
Придаточное времени	—	1	—	—	—	—	2	—	1	—
Независимое или аподосис, в т. ч. с частичей да	1	77	—	1	—	—	1	—	2	14

Таблица 3. Диистрибуция конструкций с корнем *им-* в древнерусской письменности XIII–XIV вв. различной диалектной принадлежности в сравнении с древнесербской

Как видно из приведенной таблицы, в отношении диистрибуции конструкций с *иму* различий по славянским языкам и диалектам нет. И в древнесербской, и в древнерусской письменности разной диалектной принадлежности это преимущественно зависимые предикации: условные и относительные придаточные – последние в основном так наз. архаического препозитивного типа (в меньшей степени эта разновидность встречается в сербских грамотах), ср. примеры из староукраинских (41), полоцких (42), новгородских (43), московских (44) и древнесербских грамот (45) соответственно:

(41) А хто иметь тое закладывать або ѿ цркви Бжъеѧ ѿдаливать, и мъстить емуо Бгъ (Пещак 1974, № 26, 1377 г.);

(42) А хто иметь штнимати wt С(в)а то ю Тро(и)ци – или вельможа, или попъ иметь продавати, да будеть проклать в сиі векъ и въ будущии (Хорошкевич и др. 2015, № 5, XIV в.);

- (43) А у кого імуть окупати село, колко у него будеть сель, вся імъ окупати села одинова (ГВНП № 12, 1317 г.);
- (44) А хто сю грамоту иметь рушити, судить ему Б(о)гъ (ДДГ № 3, 1353 г.);
- (45) А таковыи, кои име пакостити томоу мѣстоу, шо записа кралиевъство ми... или име кои соудъ двизати на црковь оу тои земли, да плати кралиевъству ми тисоукю перыперь. (Miklosich 1858: 68, 1305–1307 гг.).

Показательно, что и в сербской, и в восточнославянской письменности конструкция *иму* + инфинитив ограничена зависимыми предикациями. Это позволяет утверждать, что данная períфраза занимала особую нишу. Подчеркнем, что именно так в современном сербохорватском языке употребляется *футур други* (конструкция *будем* + л-причастие): эта форма маркирует не предшествование в будущем, а исключительно зависимую предикацию. *Футур други* типичен для тех же типов клауз, что и *иму* + инфинитив в древнесербской и древнерусской письменности: условных, относительных, придаточных времен (Benić 2024; Пенькова 2024), ср.:

- (46) Ако будете марљиво радили, ваш труд ће бити награђен. ‘Если вы будете старательно работать, ваш труд будет вознагражден’ (Стевановић 1986: 679);
- (47) Spremiću stan, dok ti budeš spavao. ‘Я уберу квартиру, пока ты будешь спать’ (Movchan 2023: 212).

В сфере употребления конструкций с *имѣти* древнесербский оказывается ближе всего к староукраинскому. Здесь также достаточно широко встречается конструкция с *имамъ/имаю*, и она тоже употребляется преимущественно в значении деонтической модальности: в контекстах долженствования (48) или деонтической возможности (48). Ср. примеры из древнесербских (48), (50) и староукраинских грамот (49), (51):

- (48) Ако ли кто дръзне и потвори слово кралиевъства ми, и оузме имъ що въ вѣласти кралиевъства ми, да има нимъ платити [‘должно платить’] кралиевъство ми и-свое коморе. (Miklosich 1858: 188, 1378 г.);
- (49) А любо хотѣли починати противъ господаря короля коруны Польскої, тогды мы имамы нашихъ господарии отъ того выимати [‘должны беречь’] (Пещак 1974, № 66, с. 127, 1395 г.);

- (50) ГОбеща се кралєвъство ми властелемъ доубровъчкимъ, да има ходити ['может, имеет право ходить'] доубровъчкы тръгъ и тръжъци свободно и никимъ невъзбранъно по всои земли и дръжавѣ кралєвъства ми (Miklosich 1858: 188, 1378 г.);
- (51) Бискупъ имаеть ловити ['может, имеет право ловить'] на своеи половинѣ (Пещак 1974, № 75, 1398 г.).

При этом между древнесербскими и староукраинскими грамотами в области употребления конструкций с *имъти* можно обнаружить не только сходства, но и различия. Во-первых, как было показано выше, в украинской деловой письменности конкурируют одновременно три парадигмы (*имаю*, *имъю* и *имамъ*), тогда как в древнесербской конкуренции парадигм не представлено, употребляется единая парадигма.

Во-вторых, в староукраинской и старобелорусской письменности вспомогательный глагол *имъти* может употребляться в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения, тогда как в древнесербской письменности XIII–XIV вв. такие конструкции не зафиксированы (лишь в грамотах второй половины XV в. можно обнаружить один пример со вспомогательным глаголом в форме перфекта и еще один – в форме сослагательного наклонения).

В-третьих, в древнесербских грамотах (однако чуть более позднего времени – с первой половины XV в.) конструкция с глаголом *имъти* может употребляться безлично, что нехарактерно для ее восточнославянского когната:

- (52) Вазда да се има тако, како е речено, давати на всако годише петь сать перперь динари дубровачкихъ (Miklosich 1858, 290, 1419 г.).

Несмотря на небольшие различия, общие особенности двух конструкций в древнесербской и староукраинской письменности оказываются чрезвычайно близки. При этом судьба конструкций в этих языках, напротив, различна. В истории сербского языка конструкции с *иму* с XV в. практически выходят из употребления, а сохраняются только períфразы с глаголом *имамъ* (Гудков 1963). В этом отношении сербский язык оказывается ближе не к староукраинскому, а к старобелорусскому, в котором судьба конструкций с *иму* была аналогичной, в то время как конструкции с *имъти*, напротив, стали более частотными (Пенькова 2025).

Возникает вопрос о причинах такого рода различий между староукраинским, с одной стороны, и старобелорусским и сербским, с другой, при довольно близкой исходной ситуации между первым и последним. В (Пенькова 2025) мы предположили, что *иму* + инфинитив в старобелорусской письменности была вытеснена именно конструкцией с *буду*. По-видимому, таковы же причины выхода из употребления конструкций с *иму* и в древнесербской письменности, где с XV в. фиксируется значительный рост частотности конструкции *буду* + инфинитив в тех же типах клауз, в которых в XIII–XIV вв. встречалась конструкция с *иму* (ранее XV в. конструкция с *буду* в сербской деловой письменности была очень редка), ср.:

- (53) Тада да се има подати неговоу ближнемоу натръшю, кои боуде нихъ госпоство наследовати (Miklosich 1858: 419, 1442 г.);
- (54) Да и tow wсталянь не питати ни искати ѿдь тебе, ако се боудешъ оказати си истиномъ и справдомъ (Miklosich 1858: 501, 1466 г.).

В староукраинской письменности в качестве конструкции со значением будущего в этот период (со второй половины XIV в.) также известна перифраза с *буду*, однако она не вытесняет конструкции с *иму* как в старобелорусском и древнесербском. Как можно объяснить такое развитие? По-видимому, причиной может быть именно активная аттракция между конструкциями с корнем *им-* в диалектах староукраинского языка. Как раз это и отличает его от ситуации в других восточнославянских диалектах, с одной стороны, и от ситуации в древнесербском, с другой. И именно это сближение *юти* с *имѣти* позволяет первому глаголу выйти за пределы зависимых предикаций и проникнуть в контексты аподосиса:

- (55) Хто не иметь ходити, тотъ иметь давати святому Николе весь доходъ (Русанівський 1965, № 18, 1362–1392 гг.);
- (56) А... куници колко будут намъ надобни, а мы имемъ соби купити (Русанівський 1965, № 32, 1408 г.);
- (57) Оу котором тръгоу имет коупити, там имет давати от скота (Русанівський 1965, № 55, 1460 г.).

Контексты протасиса, в отличие от контекстов аподосиса, как известно, не характерны для форм будущего времени: «Since the focal use of futures is to make prediction... futures tend to occur in main

clauses» ‘Поскольку основная функция будущих времен – делать предсказание... будущие времена, как правило, встречаются в главных предложениях’ (Bybee et al. 1994: 274). Проникновение конструкций с *иму* в аподосис – тип употребления, нехарактерный или малохарактерный для нее в других диалектах, позволило этой períфразе участвовать в процессе грамматикализации в качестве будущего времени.

По-видимому, типологически сходное развитие можно видеть в истории латинского и романских языков, где глагол *habeo* ‘иметь’ восходил к праиндоевропейскому *g^hehb^h- ‘взять, схватить’. Из глагола контакта он эволюционировал в статив и уже в этом качестве стал употребляться как вспомогательный глагол будущего времени, который в истории романских языков (французского, испанского, итальянского) слился с инфинитивом, дав начало романскому синтетическому будущему (Бурсье 1952: 227)⁵.

Выводы

Исследованный материал древневосточнославянской и древнесербской деловой письменности позволяет сделать следующие выводы. Конструкции с глаголом *иму*, известные в восточно-, южно- и западнославянских диалектах, в древнерусском и древнесербском имели одинаковую дистрибуцию: употреблялись в зависимых предикациях

⁵ Будущее время, возникшее из конструкций с глаголом контакта ‘взять, схватить’, известно также некоторым финно-угорским языкам. В венгерском языке в будущем времени используется вспомогательный глагол *fog* ‘брать’, семантически близкий к славянскому глаголу *иму*. В (Золтан 2018) такое развитие в венгерском объясняется славянским субстратом – влиянием паннонских диалектов. В (Wiemer et al. 2024) предлагается рассматривать венгерское и украинское будущее как составляющие карпатский макроареал. Однако помимо венгерского глагол с таким значением стал источником будущего времени также в ряде других финно-угорских языков: например, известны эстонский глагол *hakkama*, ливский *akkib*, функционирующие как вспомогательные глаголы в формах будущего времени. Первоначально они также обозначали ‘взять; схватить’ и через ингрессивную стадию развились в показатели будущего (Metslang 1996). Аналогичное развитие отмечено в водском языке (Ariste 1968: 72). Каков был конкретный механизм грамматикализации такого будущего, пока остается неясным.

(условных, относительных, временных) – так, как функционирует в современном сербохорватском языке *футур други*, или *второе будущее*. Если и можно признать эти конструкции аналитическим будущим, то только *неассертивным* будущим для зависимых предикций.

В памятниках Юго-Западной Руси очень рано – уже в позднедревнерусский период – начался процесс аттракции между *имѣти* и *ѧти*, что позволило конструкциям с *иму* проникнуть в контексты аподосиса, типичные для конструкций с *имаю* и *имѣю*. Такого активного взаимодействия между вспомогательными глаголами и perífrasami не отмечается ни в старобелорусской, ни в древнесербской письменности. В других восточнославянских диалектах (северо-западных и центральных) условий для взаимодействия между *имѣти* и *ѧти* было еще меньше. Редкие примеры смешения конструкций с *имамъ*, *имѣю* и *иму* в памятниках новгородско-псковского происхождения XIII–XIV вв. имеют совершенно иные причины: они объясняются тем, что конструкции с этими глаголами в XIII–XIV вв. были чужды новгородской диалектной зоне.

Приходится признать, что дальнейшая грамматикализация конструкций с *иму* в истории украинского языка связана с активным взаимодействием с *имѣти*. По-видимому, именно это не позволило конструкциям с *буду* полностью вытеснить формы с *иму*, как это произошло в истории старобелорусского языка.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Евангелие апракос полный (Симоновское евангелие). Рук. РГБ, Рум. № 105. 1270 г.
- Ефр.Сир. – Bojkovsky G. Paraenesis. Die altblгарische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i.Br.: Weiher, 1984–1988. Bd. I–IV. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XX).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка <<https://www.ruscorpora.ru>>

- Остр. – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями,данное А. Востоковым. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Пантелеимоново евангелие — Пантелеимоново евангелие. Апракос полный. Рукоп. РНБ, Соф. 1, 224 л. Конец XII – начало XIII в.
- Пещак 1974 – *Пещак М. М.* Грамоти XIV ст., Київ: Наукова думка, 1974.
- РГАДА 38 – Сборник поучений Ефрема Сирина. Рукоп. РГАДА, Тип. 38, 143 л. 70–80-е гг. XIII в.
- Тр. 7 – Сборник поучений Ефрема Сирина. Рукоп. РГБ, Тр. 7, 245 л. середина XIV в.
- Розов 1928 – *Розов В.* Українські грамоти. Т. I. XIV в. и перша половина XV в. Київ: УАН, 1928.
- Русанівський 1965 – *Русанівський В. М.* Українські грамоти XV ст. Київ, 1965.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV (изживати—моление) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1991.
- ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. / Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький (ред.). Київ: Наукова думка, 1977–1978.
- Хорошевич et al. 2015 – *Хорошевич А. Л.* (ред.), *Полехов С. В.*, *Воронин В. А.*, *Груша А. И.*, *Жлутко А. А.*, *Сквайрс Е. Р.*, *Тюльпин А. Г.* Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. 2. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015.
- Miklosich 1858 – *Miklosich F.* Monumenta Serbiae spectantia historiam Serbiae Bosnae Ragusii. Viennae, 1858.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранкова и др. 2013 – Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова / Савельева Н. В. (ред.). М., СПб.: Альянс-Архео, 2013.
- Бурсье 1952 – *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. Перевод с четвертого французского издания Т. В. и Е. В. Вентцель / Михальчи Д. Е. (ред.). М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К. В.*, *Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1981.

- Ганстрем 1953 – Ганстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1953.
- Гудков 1963 – Гудков В. П. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 38. Славянское языкознание / В. Д. Королюк и др. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Золтан 2018 – Золтан А. Венгерское сложное будущее в славянском контексте // Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.) / Н. Запольская, М. Обижаева (ред.). М.: Индрик, 2018. С. 65–70.
- Козлов 2014 – Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти / имѣти с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
- Пентковская и др. 2018 – Т. В. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. По рукописи из собрания Е. Е. Егорова с параллельным греческим оригиналом по рукописи из афонского монастыря Дионисиат. Т. I: Исследования. Тексты. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Пенькова 2019 – Пенькова Я. А. Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование períphrasis будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67. № 4. С. 569–586.
- Пенькова 2021 – Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / И. М. Ладыженский, М. А. Пузина (ред.). М.: Азбуковник, 2021. С. 212–227.
- Пенькова 2023 – Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголами имѣти и хотѣти в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2023. С. 147–148.
- Пенькова 2024 – Пенькова Я. А. Глаголы имати и бърати: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 6. С. 63–79.
- Пенькова 2024 – Пенькова Я. А. Славянское предбудущее в типологической перспективе. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024.
- Пенькова 2025 – Пенькова Я. А. Имамъ, имѣю, имаю, иму: конструкции с глаголами с корнем им-/ем- в восточнославянской деловой письменности XV в. // Slověne, 2025 (в печати).

- Стевановић 1986 – Стевановић M. Савремени српскохрватски језик. Београд: Научна књига, 1986. Т. II.
- Смирнова 2021 – Смирнова Е. А. Сложное будущее время в «простомовых» памятниках XVI в. // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та, 2021. Т. 43. № 5. С. 66–70.
- Тихомиров 1961 – Тихомиров М. Н. Пространные списки Закона Судного людем // Закон Судный людем пространной и сводной редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Шевелева 2017 – Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа имать быти vs.想要 быти в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева 2019 – Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе имѣти, посессивных конструкциях и сложном будущем с имамъ / имоу в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкоznания, 2019. № 6. С. 32–50.
- Шевелева 2021 – Шевелева М. Н. О глаголе яти и конструкциях иму + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована / Пичхадзе А. А., И. С. Юрьева, Е. А. Мишина, М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий (ред.). М., СПб.: Нестор-История, 2021. С. 31–50.
- Шевелева 2024 – Шевелева М. Н. Глаголы имѣти – яти – имати в ранних древнерусских памятниках в сравнении со старославянскими // Славянское и балканское языкоznание. Вып. 24: Палеославистика – 5: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2024.
- Юрьева 2006 – Юрьева И. С. Конструкции имамъ, хотю, начнуо с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник Московского Ун-та. Серия 9: Филология. 2006. № 5. С. 30–42.
- Юрьева 2011 – Юрьева И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами имамъ и имоу в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. №2 (22). С. 68–88.
- Юрьева 2009 – Юрьева И. С. Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дисс. канд. филол. наук. МГУ. М., 2009.

- Andersen 2006 – Andersen H. Periphrastic futures in Slavic // Divergence and convergence. Change in verbal systems. Issues in explanation / K. Eksell, T. Vinther (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.
- Ariste 1968 – Ariste P. A Grammar of the Votic Language. Uralic and Altaic Series. 68. Bloomington: Indiana University Publ., 1968.
- Benić 2024 – Benić M. Contemporary Croatian Future II: a Tense or a Mood? // Zeitschrift für Slawistik. 2024. Bd. 69. № 2. P. 273–302.
- Bybee et al. 1994 – Bybee J. L., Pagliuca W., Perkins R. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Isačenko 1974 – Isačenko A. On ‘Have’ and ‘Be’ languages // Slavic Forum. Essays in linguistics and literature / Flier M. (ed.). The Hague: Mouton, 1974. P. 43–77.
- Křížková 1960 – Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Metslang 1996 – Metslang H. The Development of the Futures in the Finno-Ugric Languages // Estonian: Typological Studies I. Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 4 / M. Erelt (ed.). Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1996. P. 123–144.
- Movchan 2023 – Movchan Ya. Vergleichende Analyse von Tempussystemen in slavischen Sprachen. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2023.
- Rösler 1952 – Rösler K. Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. 1952. № 2. S. 103–149.
- Wiemer et al. 2024 – Wiemer B., Hill E., Kölligan D., Linnemeier J.-N. Between the Birth and Death of Future Tenses: Related Languages as a Natural Lab for Research Into Grammatical Change. München: LINCOM GmbH, 2024.

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Science. Moscow, Russia

Constructions with the Verbs *iměti*, *imati* and *jati* in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian

The paper discusses infinitive constructions with the root *im-* (*imu* + infinitive, *imam* + infinitive, *imaju* + infinitive, *iměju* + infinitive) in Old Russian and Old Serbian manuscript monuments of the 13th–14th centuries. Old Russian texts are taken from various East Slavic regions. The cases of mixing between auxiliary

verbs (*imu* instead of *imam'*, *imaju* instead of *imam'* and *imeju*, etc.) are discussed. Possible explanations for such mixing are offered for different dialects. In the South-Western East Slavic dialects, the process of attraction between *imeti* and *jati* began already in the late Old Russian period. Such attraction allowed constructions with *imu* to penetrate into the contexts of apodosis, typical for constructions with *imaju* and *imeju*. The author argues that further grammaticalization of constructions with *imu* in the history of Ukrainian is associated with active interaction with *imeti*. Rare examples of mixing constructions with *imam'*, *imeju* and *imu* in monuments of the Novgorod-Pskov region have a completely different explanation: they arise because constructions with these auxiliaries in the 13th–14th centuries were alien to the Novgorod dialect zone. Constructions with the verb *imu*, known in the East, South and West Slavic languages, had the same distribution in Old Russian and Old Serbian: they were used in dependent clauses (conditional, relative, temporal). These constructions can be classified as a specific type of analytical future: a non-assertive future restricted to dependent clauses.

Key-words: future time reference, grammaticalization, modality, Northwestern Rus', Old Russian, Old Serbian, periphrastic constructions, Southwestern Rus'.